

ТРУДНО и одновременно легко писать о Василии Павловиче Соловьеве-Седом. Трудно, ибо для полной, всесторонней оценки художественной значимости творчества этого замечательного композитора, как и для оценки всякого крупного художественного явления, нужна историческая перспектива, временная дистанция. Легко, ибо все, что им создано в песне, мне особенно близко и дорого по самому жанру, как исполнительнице и пропагандистке советской песни — народной и профессиональной, так и по содержанию, непосредственно взятому из нашей повседневной действительности.

Вспоминается первая встреча. 1935 год. Готовясь к декаде советской музыки в Москве, в поисках свежих, оригинальных песен я приехала тогда в Ленинград. И вот меня познакомили с молодым человеком, студентом Ленинградской консерватории Василием Павловичем Соловьевым-Седым. Это был скромный паренек с копной белокурых волос. При виде фортепиано он ожил, подсел к нему и сыграл несколько своих песен, среди которых мне особенно понравилась «Гибель Чапаева». Слушая эти песни, я обратила внимание на своеобразный строй интонаций, на оригинальность всего образного содержания, далекого от дешевой моды, звучащего с большим гражданским пафосом. Невольно подумалось: именно такой и должна быть массовая песня.

Я исполнила «Гибель Чапаева» в Большом театре в сопровождении оркестра народных инструментов. Песня сразу приобрела громадную популярность. Слушатели на многих концертах просили меня ее исполнять.

С тех пор у нас с Соловьевым-Седым завязалась творческая дружба. Я, бывая в Ленинграде, неиз-

менно интересовалась всем новым, что он создавал. Он же, приезжая в Москву, также не забывал знакомить меня со своими сочинениями.

Далекими сейчас кажутся эти тридцатые годы, когда Соловьев-Се-

дой только начинал свой творческий путь...

Впрочем, начинал он не один. В те годы в песне активно стали работать такие прославленные мастера, как И. Дунаевский, В. Захаров, А. Александров. Характерно, что, обладая широчайшим талантом, высоким профессиональным мастерством, при котором они легко могли работать в самых сложных жанрах, все они, как и Василий Павлович, посвятили себя именно песне. Почему? Мне лично это было очень понятно и близко. Я тоже готовилась к «серьезной» оперной деятельности. Но жизнь призвала к другому. Думается, что особенно острое восприятие запросов времени, ощущение массовости и героичности происходящих событий, ощущение их значительности и динамичности, требовавшей моментального, быстрого отклика, — все это и привело Со-

ловьева-Седого к песне, так же, как Дунаевского, Александрова, Захарова.

Но у каждого композитора — свое время, свои годы, своя аудитория. Начав в середине 30-х годов, Соловьев-Седой, однако, развернулся в полную силу несколько позднее — когда грянула Великая Отечественная война, когда она завершилась и когда начались послевоенные годы, полные пафоса строительства, восстановления, созидания.

Музыка песен Соловьева-Седого подкупает неистощимостью мелодического дара, удивительной сердеч-

постоянно расширяет рамки своей деятельности, работая в области балета («Тарас Бульба»), в области оперетты («Самое заветное», «Верный друг», «Олимпийские звезды»). Сочинения эти обошли сцены театров многих городов страны.

Талант Соловьева-Седого очень оптимистичен, светел, жизнеутвердителен. В 60 лет он умеет заразительно и задорно петь о радости жизни. А когда он серьезен или же трагичен, то вы всегда чувствуете громадную любовь к человеку, всегда

ПРИЗНАННЫЙ ВСЕНАРОДНО

ностью и искренностью. Он никогда ничего «не выдумывает», пишет о том, что видел, что знает. Его герои всегда зрительно реальны, почти осязаемы. Именно так я воспринимаю его музыку, когда слышу такие песни, как «Вечер на рейде», «Играй, мой баян», «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк», «Где же вы теперь, друзья-однопольчане», «Студенческая попутная», «Если бы парни всей земли», «Подмосковные вечера».

Мне кажется, что в каждую песню Василий Павлович вкладывает частичку своего театрального таланта, который у него незауряден. Вообще работа для театра, для кино, которая сопутствует всей его деятельности, очень много ему дала.

Хочется сказать, кстати, о широте творческих интересов композитора. Прославившись как автор всенародно любимых песен, Соловьев-Седой

ощущает большую веру в счастье людей. Не потому ли музыка Соловьева-Седого столь любима в нашей стране и за ее рубежами? Песни талантливого композитора звучат на самых разных языках. И во Франции, и в Англии, и в Германии, и во многих других странах услышите вы его «Вечер на рейде» или «Подмосковные вечера».

Хотелось, чтобы песни Соловьева-Седого по-прежнему звучали в полный голос, чтобы они еще многие и многие годы несли людям радость, чтобы наш замечательный композитор по-прежнему радовал бы слушателей все новыми и новыми сочинениями, чтобы обильным и неиссякаемым был родник его творческого вдохновения.

Ирма ЯУНЗЕМ.